Они вчетвером ещё какое-то время продолжали развлекаться в Лас-Вегасе. Деньги были потеряны либо из-за азартных игр, либо из-за дороговизны их образа жизни, но Гарри бессовестно жульничал каждый раз, когда заходил в казино, и таким образом вышел в небольшой плюс. Совсем небольшой, поскольку он не хотел привлекать к себе внимание, но вполне достаточный, чтобы компенсировать потери.

В конце концов ему надоели яркие огни, люди и сам город в целом. Местные вороны пока не сообщили ничего стоящего, и он не хотел больше здесь оставаться. В Америке имелись и другие занятия, помимо того, чтобы смотреть, как его крёстный отец подсаживается на азартные игры.

Однако этот самый крёстный отец был не в восторге от такого решения.

— Не могу поверить, что ты хочешь поехать в Мексику, вместо того чтобы остаться в Вегасе, — надулся Сириус, усаживаясь в кресло с почти обиженным вздохом. Они с Гарри уже собрали вещи и ждали, пока закончат собираться девчонки.

— Мы мало куда в Вегасе можем взять с собой Луну без зелья старения, а эта штука, знаешь ли, не настолько доступна, как апельсиновый сок, — недовольно ответил Гарри.

— Но почему именно Мексика? Почему не Гавайи? — продолжал жаловаться Сириус.

— Потому что я хочу посмотреть на ацтекские руины.

— Ты можешь насладиться крошками, пляжами и выпивкой, но вместо этого предпочтёшь пялиться на камни? — Сириус напустил на лицо выражение ужаса. — Я как будто первый раз тебя вижу.

— Крошки у меня есть, пляжи слишком переоценены, а выпивку я никогда не считал привлекательной, — опроверг Гарри аргументы своего крёстного отца. — Послушай, Сириус, нигде ведь не сказано, что мы должны всё время быть вместе. Ничто не мешает тебе, если хочешь, поехать на Гавайи или остаться в Вегасе, но Флёр, Луна и я едем в Мексику.

Сириус вздохнул, словно принося великую жертву.

— Наверное, Гавайи в любом случае будет приятнее посетить под конец нашего пребывания в Америке. А не хочешь ли рассказать, почему тебе так интересно посмотреть на эти ацтекские руины?

— Я хочу понять, получится ли найти там какие-нибудь намёки на то, как они использовали магию, — ответил Гарри, немного отдаляясь от правды. — Для этого мне нужно взглянуть на руины их храмов и понять их религию.

— Я думал, ты ненавидишь религию, — прокомментировал Сириус.

— Я ненавижу умышленное невежество, — поправил Гарри. — Просто религия в век информации является подкатегорией умышленного невежества. Но даже если бы ацтеки существовали и по сей день, я бы с большим уважением относился к их религии, чем к современным религиозным болванам, как говорил наш добрый друг Снейп.

— А разве ацтеки не любили человеческие жертвоприношения? — сказал Сириус, слегка поморщившись при мысли о Снейпе. — Я видел, как ты проклинал монашку на три дня ужасного метеоризма за то, что она цитировала Библию. Причём даже не тебе лично, просто оказалась в пределах слышимости. Но против ритуального убийства ты не возражаешь?

— Что-то вроде того, — кивнул Гарри, с ухмылкой вспоминая эпизод с монахиней. Сириус уговаривал его пойти развлечься чисто мужской компанией, поэтому Гарри выбрал видеоигры, зная, что Сириус никогда в жизни в них не играл. Из-за отсутствия в Поттер-Мэноре электричества они отправились в игровой зал в Лондоне. На обратном пути они прошли мимо монахини, цитирующей что-то из своей макулатуры другой женщине, и решили наградить её «нечестивым ветром». Хорошие были времена. Мелочно, конечно, но претендовать на высокие моральные принципы было уже слишком поздно, во всяком случае, не с его собственным увлечением ритуальными убийствами. Кстати о ритуалах, жаль, что ему пришлось оставить Блэкрэйзор дома, но если бы его поймали с ним на руках, кончилось бы всё плохо.

— Гарри… — теперь уже Сириус начал сердиться.

— Ты знаешь, в чём разница между политеистической религией и монотеистической? — перебил его Гарри.

— Не считая твоего предвзятого отношения?

— Да, не считая моего предвзятого отношения, — Гарри мог быть честен с самим собой и признать, что у него есть личная неприязнь к христианству и его аналогам. Кто угодно займёт его позицию, если придётся выслушивать лекцию о том, что магия — это мерзость в глазах Бога, каждый раз, когда в приюте, где Гарри провёл год, происходило что-то необъяснимое. Тем более что та старая иссохшая пизда, читавшая эти лекции, никогда ничего не делала с другими детьми, что приставали к нему и провоцировали случайное применение магии. Гарри гордился своим объективным суждением, но злоба, которую он испытывал к авраамическим религиям и тем, кто на них покупался, не была тем недостатком характера, который он хотел бы исправить.

— Не имею ни малейшего понятия.

— Старые политеистические религии являлись попытками понять мир, — начал объяснять Гарри. — У них были боги для всего: дождя, земли, неба, моря, звёзд, рек… для всего. Возможно, попытки эти были не самыми хорошими, но какие уж есть. В монотеистических религиях на всё есть один и тот же ответ: «Так сделал Бог». Как был создан мир? Его сделал Бог. Почему небо голубое? Так сделал Бог. Почему появляется радуга? Так сделал Бог. Почему вода мокрая? Так сделал Бог. Откуда взялись люди? Их создал Бог. Бог сделал всё, а теперь перестаньте задавать вопросы, иначе вы будете вечно гореть в Аду, пока вас будут насиловать демоны. Конечно, более здравомыслящих иудеев, христиан и мусульман в наши дни можно вразумить, но они будут цеплялись за своё невежество, как пиявка за свиную задницу, столько, сколько получится. Многие из них всё ещё так делают, и все они бредят, веря в то, что заслуживают внимания какого-то высшего существа.

— А чем это отличается от любой другой религии? Просто замени «Бога» на любое другое божество. К тому же, разве все религии не являются неудачной попыткой осмыслить мир? — возразил Сириус, не совсем понимая, к чему клонит его крестник.

А тот вздохнул в ответ.

— Есть большая разница между тем, когда говорят, что для создания мира потребовался целый пантеон богов, и тем, когда говорят, что всё сделал один-единственный. Во-первых, это попытка разобраться в устройстве мира, хотя и на основе фатально ошибочных предположений. Во-вторых, утверждение о том, что нет смысла думать о том, как устроен мир, потому что «пути Господни неисповедимы и известны только ему». Какое замечательное утверждение, которое можно использовать, когда не хочешь признать, что ты чертовски глуп, чтобы удержать в голове мысли более сложные, чем у десятилетнего ребёнка. Кроме того, религии со множеством богов почти всегда сфокусированы на том, как боги взаимодействуют друг с другом, тогда как один, всемогущий бог, изображается как микроконтролирующий психопат, который приговорит тебя к вечному страданию, если ты не будешь делать то, что он говорит, но — особое внимание на сарказм — он тебя любит. Жрецы политеистических религий могли изрыгать лишь ограниченное количество бреда, прежде чем этот бред смешивался с чужим бредом, и они не пытались представлять своих богов добрыми, тогда как священнослужители монотеистической религии имеют фактически неограниченную лицензию на брехню и могут говорить о безусловной любви, огне и сере в одном предложении.

— Гарри, ты сам говорил мне, что жрецы ацтеков приносили в жертву детей, вырезали из людей ещё бьющиеся сердца, сдирали с них кожу… Я думаю, это будет похуже, чем нести бесконечный бред.

— Эх, — пожал Гарри плечами. — Вот оно, то фатально ошибочное первичное предположение, о котором я говорил раньше. У них имелась нелепая идея, что мир рухнет, если они этого не сделают. Глупо и необычайно высокомерно, но, по крайней мере, это не было лицемерием.

— Не знаю, как ты, но я уж лучше проголосую за небольшое лицемерие, чем за человеческое жертвоприношение, — пробормотал Сириус.

Гарри не был согласен. Если не считать людей, захваченных из других племён, жертвоприношения ацтеков были в основном добровольными. У них была вся необходимая власть, чтобы положить конец своей кровавой практике, но их нагнетающая страх религия заставляла их думать, что это было необходимо. По его мнению, смерть идиотов шла только на пользу. К тому же, их ритуалы, похоже, действительно чего-то добились, если судить по высокому уровню магической рождаемости в их регионе.

— Есть ещё одна причина, почему мне больше нравятся старые религии, самая главная из них, — выдал он вместо своих мыслей, — магия.

— А что с ней? — спросил Сириус, озадаченный.

— В мире со множеством богов магии было место. Иудаизм и христианство порицают любую магию и считают злом, несмотря на её вопиющее использование их хвалёными пророками, а ислам терпит магию только во имя Аллаха, как всегда лицемеря. Если бы мир по-прежнему поклонялся Ра, Зевсу, Одину и им подобным, магию не нужно было бы скрывать.

— Не уверен, что из этого вышло бы что-то хорошее, — заметил Сириус.

— Думаю, мы этого уже никогда не узнаем.

Да, они никогда не узнают, что было бы, если бы христианство, иудаизм и ислам бесславно погибли бы, как маленькие несчастные культы, едва заслуживающие упоминания в учебниках истории, но Гарри не верил, что магия ещё долго будет оставаться в тайне. В мире стало слишком много глаз.

http://tl.rulate.ru/book/17817/1350748